РАЗСУЖДЕНІЕ
О
БЕЗБОЖІИ,

сочиненное

АРХІЕПИСКОПОМЪ
Великаго Новагорода
и
Великихъ Лукъ,
ѲЕОФАНОМЪ ПРОКОПОВИЧЕМЪ.

Изданіе второе.

Печатано въ Москвѣ, въ вольной Типографіи
И. Лопухина, 1784 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякому человѣку, здравый разумъ имущему, видимъ есть безбожія порокъ, или скверна и гнусность, никоею мѣрою измѣряемая, и тѣхъ, которые безбожія придержатся, послѣднее нещастіе и бѣдство неизреченное; потому въ разсужденіи человѣческаго ума, яко предостойнѣйшей надъ всѣми животными прерогативы, трудно бы надѣятися отъ онаго толикому происходити скаредству, аки бы плоду пагубному, оканнаго своего виновника опровергающему. Но понеже сомнѣніе о семъ разрѣшаетъ самый искусъ чувственный и достовѣрныя исторіи, того ради о таковой человѣческой ума плачевной фуріи, или бѣшенствѣ, яко вправду бывшей во многихъ и нынѣ бываемой, сіе краткое разсужденіе предлагается.

РАЗСУЖДЕНІЕ

сокращенное

о

БЕЗБОЖІИ.

I.

Что *Аѳеисты*, то есть безбожники, суть и были, искусъ и исторіи, якоже выше помянуто, показуютъ. Они множайшіе были изъ людей высокаго разума и ученія, обычнымъ любомудрія нарѣчіемъ называемыхъ философы, а именно: Критіясъ, Платонъ, *Академики*; Аристотель, Стратонъ Лампсацкій, *Перипатетики*; Ѳеодоръ Киринейскій, по прозванію Аѳеистъ, и Біонъ, *Стоики* и *Циники*; равно и прочіи, которые высоту ума своего хотяще народу показати, разныя, однѣ другимъ противныя, либо оптмѣнныя о состояніи всего міра слагали системы. Хотя же и ненарочно и не съ Аѳеистскимъ умышленіемъ, однако же изъ оныхъ и самому безбожію происходити видимое есть слѣдствіе. Что бо есть иное, матеріи первой существенно нужное и Богу собезначальное причитати бытіе, якоже

Платонъ, Аристотель и прочіи мнѣли; или съ тоюжде матеріею существеннымъ и неразрѣшимымъ *союзомъ* Бога *связати*, *якоже* Стоики признавали; или изъ случайнаго атомовъ стеченія всего міра составленіе производити, якоже Епикуръ и другіе шалѣли; что, говорю, другое есть сіе, ежели не самое *люпое* Божества опроверженіе, хотя, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ нарочно и со умышленіемъ не приходило безбожное бѣснованіе? И отсюду видимо есть ума человѣческаго бѣдное и весьма *опасное киченіе*, *который когда*, кромѣ благодати Божіей, собою начнетъ къ высотѣ преизящества восходити, толь далече заблуждаетъ, что и надежды нѣтъ ко исправленію. Таковыхъ убо прежде помянувшихся системъ о состояніи міра философскія разности сіи суть знатнѣйшія:

II.

1. *Сцептическій Аѳеисмъ* то за основаніе себѣ имѣетъ, что будто нѣтъ подлиннаго о всякихъ вещахъ и достовѣрнаго знанія; и того ради разсужденіе о всемъ есть сомнительное.
2. *Догматическій Аѳеисмъ*, генерально разсуждаемый, полагаетъ за фундаментъ, что первыя матеріи бытіе есть вѣчное и всегдашнее, существенно нужное, а не случайно.
3. Въ особливости же *Аристотелева Аѳеисма* основаніе есть: когда составленіе міра сего изъ случившагося атомовъ стеченія зѣло неугодно и смѣшно ему показалось, а аксіома оная фило-

философическая, *что изъ ничего ничего не бываетъ*, глубоко въ разсужденіи его вкоренилась, конечнаго же Создателя либо не вѣдалъ, либо признавать не хотѣлъ всемогущества: то въ такое впалъ мнѣніе, яко міръ сей безначальный и предвѣчный есть, и родъ человѣческій всегда былъ и будетъ.

4. *Стоическаго Аѳеизма* основаніе есть, что Богъ имѣетъ съ первою матеріею существеннымъ и нерѣшимымъ союзомъ сопряженіе.
5. *Епикурова и Стратоникова Аѳеизма* основаніе, якобы міра сего составленіе есть изъ случайнаго атомовъ стеченія.
6. *Венедикта Спинозы Аѳеизма* основаніе есть исповѣданіе единой только во всемъ мірѣ субстанціи, или существа, или натуры, прочаго же всего разныхъ оныяжъ натуры аффекцій, или модификацій, то есть качествъ, или дѣланій признаніе.

III.

Между догматы Аѳеистскіе сія включаются:

1. Провиденціи, или промысла Божіяго отверженіе.
2. О безсмертіи души человѣческой сомнѣніе.
3. Духовъ благихъ и злыхъ бытія отъятіе.
4. Пророчествамъ невѣріе.
5. Чудесъ непріятіе.
6. Христіянскаго благочестія отметаніе.
7. Писанія Священнаго чести и достоинства поруганіе.

IV.

IV.

Причины и способства къ Аѳеисму суть:

1. Природное развращеніе.
2. Превозношеніе.
3. Злое воспитаніе.
4. Бесѣды злы, и книгъ таковыхъ же прочитаніе.

V.

Случайныя причины, или окказіи, къ Аѳеисму ведущія:

1. Житіе Христіянъ, исповѣданію Христіянскому несогласное.
2. Ересей и сектъ множество.
3. Прѣнія богословскаго безмѣріе и прочая.

VI.

Свойства Аѳеисма суть:

1. Самое пренесмысленнѣйшее безуміе.
2. О прочихъ всѣхъ худое мнѣніе.
3. Внѣшній видъ добродѣтелей.

VII.

Плоды Аѳеисма суть:

1. Послѣднее бѣдствіе, и самое верьховное, которое еще Аѳеисты въ семъ житіи терпятъ, а именно: страхъ и трепетъ, и изъяденіе совѣсти непрестанное, къ томужъ ума всегдашнее неспокойство.
2. Великое неудобство ко исправленію.
3. Вредъ отъ оныхъ, всему обществу происходящій, яко онаго благочиніе, въ правилѣ совѣсти и законовъ человѣческихъ содержимое, испребляющій.

VIII.

VIII.

На обличеніе Аѳеистскаго, а на показаніе Божіяго бытія премногія суть доказательства естественнаго разсужденія, изъ которыхъ нѣкоторыя сокращеннѣ предлагаются:

1. Знаніе о Богѣ, человѣкамъ врожденное и въ сердцахъ людскихъ написанное, а потому всѣхъ народовъ, сколько ихъ ни есть, въ исповѣданіи верьховнаго Божіяго правленія согласіе.
2. Разсужденіе о началѣ движенія, сопряженіе вещи съ своими винами, кои случайныя свои имѣютъ событія, и тѣмъ самимъ отъ верьховной вины, которая есть самъ Богъ, имѣющія свою всегдашнюю депенденцію, или зависимость.
3. Величество, благочиніе, различіе и все расположеніе міра всего, и всѣхъ вещей къ единому достовѣрному концу неуклонное теченіе.
4. Въ особливости же разсужденіе земнаго круга, и въ ономъ премногихъ сокровенныхъ, явленныхъ и вновь являющихся сокровищъ, различія минераллов, животныхъ, естествъ, склоненій и составленій.
5. Также разсужденіе человѣка, и вопервыхъ тѣла, и во ономъ всѣхъ членовъ, а въ членахъ расположенія, мѣры, приличія, потребы, также души, и въ оной сугубыя силы, къ познанію и хотѣнію имѣющейся, и тоя невещественныя, ясно въ распространеніи познанія и хотѣнія своего непрестанно дѣйствующія,

ющія, а тѣмъ дѣйствіемъ никогда же утрудитися могущія.

6. Разсужденіе о началѣ рода человѣческаго, и во особности обоего пола, непремѣннымъ числомъ между собою соравняющихся. Тожъ разумѣти надлежитъ и о другихъ не токмо о животныхъ, но также о древахъ, зеліяхъ, кореніяхъ, сѣменахъ и прочихъ, гдѣ сугубые роды въ коемъ либо мужескаго и женскаго полу видны.

7. Напослѣдокъ историковъ премножайшихъ, достовѣрныхъ и разновѣрныхъ, и потому безазорныхъ, ибо обычными страстьми *лжи* не порабощенныхъ, свидѣтельства о началѣ рода человѣческаго, потопа, царствъ и другихъ народныхъ правительствъ, самыхъ народовъ, языковъ, ученій, художествъ и прочихъ всякихъ къ житію человѣческому нужныхъ потребностей.

IX.

Изъ таковыхъ и симъ подобныхъ премногихъ доказательствъ преждепомянутыя Аѳеистскія системы со всѣми своими машинами разрушаются.

1. *Сцептическій Аѳеисмъ*, во всемъ сомнительное признающій знаніе и ни о чемъ извѣстія и достовѣрія не пріемлющій, разрушается. Ибо *не только внѣ насъ самихъ многія вещи* обрѣтаются, которыхъ бытія, *существа и свойства* чрезъ особливѣйшія ясныя доказательства такъ извѣстны, что и не признать ихъ не возможно [къ которому числу и познаніе Бога

Бога надлежитъ], но еще и въ насъ самихъ особенная нѣкоторая сила и могущество есть, духовныя вещи, которыя никакому чувству не подлежатъ, познавати, наипаче, что всего удивительнѣе, тоже самое познаніе обратнымъ ума дѣйствіемъ представляти. И сіе хотя ничего въ себѣ матеріяльнаго, то есть вещественнаго, не содержитъ, но самаго ума всеглубочайшее о себѣ самомъ и дѣйствіи своемъ упражненіе знаменуетъ; однако же толь намъ оно достовѣрно и извѣстно есть, что ежели бы кто о томъ похотѣлъ сомнитися и требовать доводовъ, тотъ бы показался весьма того своего умнаго превосходства лишеннымъ быти, и вмѣсто довода пречувственнѣйшаго самъ и бытіе его будетъ ему довольный доводъ. Къ тому жъ Сцептическіе суемудрцы, ни о чемъ себя знающихъ не исповѣдающіе, и тѣмъ самымъ достовѣрное знаніе о Богѣ отвергающіе, которымъ доводомъ то свое мнѣніе утверждаютъ, тѣмъ оноежъ самое и опровергаютъ. Ибо ежели признаютъ сомнѣніе о всѣхъ вещахъ, то тѣмъ же самымъ и тѣ вещи самыя признаютъ, и оныхъ купно бытіе, существо и свойство, безъ которыхъ никакія вещи не познаются; а тѣмъ же самымъ признаютъ и ума своего слабость, и немощное о вещахъ разсужденіе вѣдаютъ, и вѣдаютъ несомнительно свое сомнѣніе. Изъ чего видимо есть сіе вышереченное умствованіе воистинну слабое, или паче рещи безум-

ное, и бѣсноватымъ людямъ, за люпостію недуга ничего о себѣ не знающимъ, во всемъ подобное.

2. *Догматическій Аѳеисмъ*, генерально разсуждаемый, имѣющій за фундаментъ первыя матеріи, вѣчное и всегдашнее бытіе, существенно, а не случайно нужное, такожде разрушается. Ибо сколько ни станешь о первой матеріи мыслить, куда ни станешь ее обращать, какъ ни станешь оной присматриватися, не возможно сыскать того, чтобъ оное бытіе было существенно, а не случайно нужное, которое единому Существу всеблагому, всесовершенному и всесильному только прилично и нужно есть. А матерія первая по внутреннему ея разсужденію показуется въ своемъ бытіи несовершенною, понеже сама есть въ себѣ мертва и недѣйствующая, но дѣйствуемая; ибо въ оной сія вся производитъ форма, что всѣмъ, философскому ученію и мало пріобщившимся, безъ всякаго сомнѣнія извѣстно есть. Когда же умъ нашъ изъ разсужденія своего бытія показуется существомъ, разумъ, волю и могущество къ движенію и обращенію помышленій и тѣла имѣющимъ, то первая матерія, сего всего лишенная, много худѣйшею нашего ума покажется, и послѣдовательнымъ доводомъ видимо то будетъ, что оная не имѣла къ бытію своему существенной нужды и потребы, и тако ниже всегда была, ниже могла быти.

3. *Аѳеисмъ*, отъ *системы Аристотелевой* происходящій, уничтожается потомужъ, что выше сего противъ догматскаго Аѳеисма предложено есть, а кромѣ того и потому, понеже въ матеріи первой, которыя безначальное бытіе и самое по существу нужное, признаетъ Аристотель, не обрѣтается того, чтобъ могло быти подобное формамъ [якоже философы умствуютъ] существеннымъ, которыя въ самой вещи суть; ибо тѣми формами совершается первая матерія, по свидѣтельству генеральному всѣхъ философовъ: *форма даетъ существо вещи*; то только нужда признать оныхъ формъ твореніе, то есть, яко онѣ изъ ничего въ бытіе произведены. Да перваяжъ матерія безъ движенія была недвижима, движеніе же безъ движущаго никоею мѣрою не можетъ быти. Напослѣдокъ ежели оныя формы отъ матеріи первой не произошли, то много паче душа человѣческая, яко умная и безтѣлесная, отъ тѣлесной вещи произыти не могла. И тако принужденъ Аристотель признать твореніе временное, отъ чего предвѣчное міробытіе само собою уничтожается.

4. *Стоическій Аѳеисмъ* разрушается самъ отъ своего противорѣчія; когда бо разсудимъ силу и самую натуру Божества, которая, яко некончаемую совершенства своего знаменующая добродѣтель, безмѣрно отстоитъ отъ всякихъ скудостей и несовершенствъ, яковыя имѣютъ въ себѣ всякія твари; и когдажъ Богъ

кѣ матеріи и кѣ непремѣннымъ фатамъ, то есть кѣ неразрѣшимому всѣхъ вещей изъ случаевъ совокупленію, прицѣпляется, или свойственнѣе рещи, *покаряется*: то тѣмъ самымъ видимо и его познается несовершенство и безсиліе, что само себѣ противно есть.

5. *Епикуровъ* и *Стратониковъ Аѳеизмъ*, атомовъ, то есть самыхъ малѣйшихъ тѣлесныхъ частицъ случайному стеченію, бытіе міра сего причитающій, опровергается тѣмижъ доводами, которыми вторый догматическій и третій Аристотелевъ. Ибо самая суетная баснь есть мнѣти о помянутыхъ атомахъ, будто оные безначальное свое имѣли бытіе *существенно нужное*; но еще суетнѣйшая есть изъ случайнаго тѣхъ атомовъ стеченія толикое міра сего величество составившееся признавати. Стеченіе бо атомовъ не что иное есть, токмо движеніе, а движеніе безъ движущаго како можетъ быти? Случайное же стеченіе благочинію и приличію не только не есть свойственное, но и весьма противное. Да еще какому благочинію? и въ *самой* чертѣ нерушимому и неповрежденному. Къ тому жъ душа человѣческая, яко умная и ничего въ себѣ *тѣлеснаго* не имѣющая, како могла изъ вещественныхъ и тѣлесныхъ оныхъ атомовъ произыти? А какъ Стратонъ, убѣгая толикихъ безмѣстій и неприличій и неразрѣшимыхъ неудобствъ, изъ мнѣнія Епикура слѣдующихъ, умножилъ оное особливымъ своимъ

раз-

разсужденіемъ, которое возмнилъ довольное быти на отложеніе всѣхъ тѣхъ трудностей, а именно: первой матеріи, или атомамъ [тожъ самое знаменующимъ], движеніе и нѣкоторую жизнь причелъ, и на такомъ основаніи своей системы всю свою прочую устроилъ машину: то тѣмъ самымъ великое невѣжество, внѣ всякаго размышленія бывшее, показалъ. Ибо самый разумъ человѣческій утверждаетъ, что фундаментъ въ началѣ всего строенія подобаетъ не только положити, но и утвердити, а потомъ прочую машину сооружити; но отъ него сдѣлалося вопреки. Ибо онъ атомамъ своимъ даровалъ движеніе и жизнь; но какое движеніе безъ движущаго, и какая жизнь безъ жизни виновника могла быти?

6. *Атеисмъ* новопроявившагося въ Голландіи безбожника *Венедикта Спинозы*, который хотя своего безбожія ясными и простыми словами не открылъ, однако же таковую сложилъ систему, которой явственно и самое слѣдуетъ безбожіе. Ибо едину только субстанцію, или существо, или натуру во всемъ мірѣ призналъ, и той самый міръ, си есть всѣхъ вещей собраніе, божествомъ нарекъ; въ особности же тогожъ міра части разсуждаемыя, аффекціями, или модификаціями, то есть качествами, либо дѣланіями божества таковаго назвалъ. И таковый пагубный человѣкъ въ томъ своего мнѣнія составленіи хотя тяжчае другихъ философовъ претъкнулся и палъ: ибо и сіе свое ум-

умствованіе изъ единыхъ скаредныхъ контрадикцій, то есть противорѣченій, едиными другія раззоряя, безумно и неразсудно сплелъ, и только едиными словами прелестными и чвановатыми ту свою глупости грубость покрылъ; однакожъ не въ послѣднемъ былъ отъ прочихъ у своихъ учениковъ и подражателей почтеніи. А понеже онъ, якоже выше помянулось, Божества ясными терминами не отвергаетъ, но и паче исповѣдуетъ, того ради отъ единаго сего его исповѣданія мнѣнія его суетнаго разногласіе показуется. Ибо ежели, по силѣ системы его, подобаетъ быти Богу, то оному слѣдуетъ матеріяльному быти, то есть тѣлесному, и послѣдовательно и душѣ человѣческой умной такожде тѣлесной, что все есть безмѣстно. Еще же по сему подобало бы Богу быти и человѣкомъ и прочими всякими животными, и которыя животныя, о сколь многая! когда погибаютъ, то толико и самому Богу тѣмъ же бѣдамъ подпадати слѣдовало бы, а сіе послѣдняго смѣха и негодованія есть достойно. Когда же разсудимъ человѣческаго ума и тѣла множае къ злодѣяніямъ, нежели къ добродѣтелямъ склоненіе, то отъ мнѣнія сего суемудрца приходило бы самому Божеству таковое несовершенство, что ужасно и помыслити. Еще же Спинозы бѣснованіе и самаго Сцептическаго Аѳеисма, въ 1 числѣ воспомянувшагося, глупѣйшее показуется; ибо по Сцептическому Аѳеисму когда

единое

единое признался невѣжество и оттуду слѣдующее его сомнительство, то тѣмъ единымъ противорѣченія будто нѣкако разрѣшаются. По Спинозскому же Аѳеисму сомнительства о всѣхъ вещахъ нѣтъ, и ясное признается знаніе; но что разумъ и чувства наши яснѣе солнечнаго свѣта намъ представляютъ, тое онъ послѣднимъ своимъ безумiемъ отвергаетъ и инако толкуетъ. Что бо можетъ во всемъ мірѣ яснѣе быти, какъ то, что множество вещей собственное свое единая отъ другой имѣютъ существо, бытіе, различіе и раздѣленіе? Сіе же отъ насъ отъяти хощетъ Спиноза. И когда самъ онъ предреченныя изъ мнѣнія своего слѣдующія безмѣстія, а особливо онъ лукаваго человѣческаго склоненія приходящее Богу несовершенство усмотрѣлъ, и сего неудобства неразрѣшимаго убѣгнути не возмогъ, разрѣшилъ смѣха достойнымъ отвѣтомъ, которымъ и всего себе связалъ; ибо душу человѣческую не самою субстанціею, или натурою, или существомъ Божіимъ, но нѣкоторою, а не знаетъ какою, онаго существа назвалъ модификаціею, то есть качествомъ, либо дѣланіемъ, мня симъ образомъ онаго убѣгнути безмѣстія. И по такому разсужденію Спинозы мощно такъ говорить, что когда человѣкъ мыслитъ, то не онъ мыслитъ, но мысль его; ибо когда человѣкъ говоритъ, то не человѣкъ говоритъ, но разговоръ. Отъ чего можно всякому и препростѣйшаго ума

человѣку усмотрѣти, какую цѣну имѣетъ сія неосновательная Спинозы система.

X.

И такъ изъ опроверженныхъ системъ Аѳеистскихъ слѣдующія предложенія, или умствованія, отвергаются сими разсужденіями, изъ которыхъ въ первѣйшемъ числѣ сіе есть: понеже Богъ своими преизбыточайшими совершенствами всякую широту ума человѣческаго неизреченно превосходитъ, того ради за скудостію нашего ума, мы человѣцы, не толико знаемъ Бога, яковъ онъ есть, елико знаемъ, яковъ онъ не есть, и то изъ примѣровъ тѣлесныхъ вещей. И тако когда Бога называемъ безначальнымъ, непостижимымъ, неконечаемымъ, невидимымъ и прочими свойствами отрицательными, то не въ такой силѣ нарицаемъ, будто о Бозѣ не можемъ имѣти никакого знанія, для того, яко онъ неконечаемый, а умъ человѣческій предѣлами своими, да еще скудными, сокращенъ и измѣренъ, но того ради единаго, яко ради таковой разни Бога и ума нашего совершенно существа его постигнути не можемъ; показуемъ же точію, яко Богъ таковъ, какъ всѣ суть тѣлесныя вещи, не есть, сирѣчь начала и конца не имать, ниже подлежитъ какимъ либо несовершенствамъ и оттѣнамъ. Суетное же есть сіе Аѳеистовъ умствованіе, что они познаніе единымъ чувствамъ тѣлеснымъ, а не безтѣлесному уму причитаютъ, хотяще оное о Бозѣ, яко о безтѣлесномъ существѣ, познаніе истребити; ибо обратное къ се-

себѣ и о себѣ ума человѣческаго дѣйствіе, о которомъ довольное прежде сего разсужденіе было, какъ могутъ вмѣститти, въ которомъ познаніи никаковаго чувства видѣти и усмотрѣти не возможно? Когда бо помышленіе человѣческое безтѣлесное не видится, кольми паче помышленія человѣческаго познаніе. Непремѣнный называется Богъ по всегдашнему и единакому своего всесовершеннѣйшаго существа бытію. А хотя во времени изъ ничего единаго стало произведеніе всѣхъ вещей, которыхъ прежде того не было, однако вся премѣна отъ внѣ существа Божіяго, а не внутрь произошла; ибо прежде бытія міра Богъ, яко пресовершеннѣйшій умъ [подобіемъ созданнаго ума нашего глаголю], имѣлъ всегда къ себѣ обратное себе познаніе, которымъ свое совершенство, и самую верьховную благодать, и превысочайшую премудрость познавалъ. И тако, взирая на себе, крайнюю утѣху изъ себе имѣлъ, и вышнею любовію себе, яко верьховное добро, любилъ; а по созданіи міра, си есть по произведеніи въ существенное бытіе всѣхъ тварей, отмѣны онъ въ себѣ никакой не получилъ. Понеже оныя всѣ твари въ его умѣ, яко въ архетипѣ, то есть первообразномъ, непрестанно обращались, то есть: прежде бытія ихъ вѣдалъ оныя раздѣльно и всесовершенно. Твореніе же оныхъ тварей не внутрь существа его, но отъ внѣ показуется. И симъ неизреченной своей доброты разширеніе будто нѣкоторое разліяніе устроилъ; разліявшуюся же свою доброту и отъ внѣ въ другихъ

тихъ утвердилъ и возлюбилъ. Безумно убо и безстудно Аѳеисты познаніе бытія Божіяго нѣкоторому ума человѣческаго заблужденію, будто отъ разныхъ причинъ произшедшему, причитаютъ, а именно: отъ злаго сердечнаго склоненія, либо воспитанія, отъ ложнаго увѣщаванія, отъ хитросплетеннаго вымышленія нѣкоторыхъ человѣковъ, по есть обыкшихъ востязовати яковаго либо злодѣлателя тако [*есть Богъ, Бога бойся*], къ содержанію гражданства и къ лучшему всенароднаго правительства безопасству и прочая. Они сіе дѣлаютъ подобно огневицею страждущимъ, которымъ здравые люди больными кажутся, а они, сами вправду болящіе, мнятъ себе быти здоровыхъ. Ибо познаніе Бога, еще же таковое, яковое Христіянское благочестіе показуетъ, то есть сопряженное съ премножайшими заповѣдьми, злое сердечное склоненіе исправляющими, и не тако временное мирное житіе ходатайствующими, яко другое по смерти толкующими, отъ тѣхъ предложенныхъ худыхъ причинъ происходити не можетъ, но развѣ отъ единаго совершеннаго ума человѣческаго дѣйствія. Кто бо, здравый умъ имѣяй, тако будетъ разсуждати, дабы ученіе о презрѣніи благополучій всякихъ временныхъ, еще же и жизни, а о избраніи нищеты, о незлобіи, о простосердечіи, о любви къ врагамъ, о трудолюбіи, о будущей по смерти жизни, о воспятиваніи похоти и прочихъ всякихъ страстей, о благоутробіи нелицемѣрномъ, но отъ знанія людскаго за-

кры-

крытомъ, о умерщвленіи плоти и о прочихъ тѣмъ подобныхъ; такое, глаголю, ученіе временный единый интересъ, или пользу содержало, а о будущей жизни по смерти не промышляло и не наставляло? Сіе безъ всякихъ доводовъ видимо есть. Но еще сильнѣе утверждаетъ всенародное *оное отъ начала міра досель* чрезъ многіе вѣки постоянное о Божествѣ согласіе, которое при непрестанной безчисленныхъ вещей перемѣнѣ едино было непремѣнное, и въ самомъ верьховномъ благоговѣніи содержалося и понынѣ содержится по единому природному ума человѣческаго правилу, кромѣ всякаго ученія и наставленія.

XI.

Отъ сихъ разсужденій преходимъ къ догматамъ Аѳеистскимъ, въ претьемъ числѣ описаннымъ, которые сами собою опровергаются по таковымъ увѣреніямъ:

1. Провиденція, или промыслъ Божій, котораго вѣдѣти не хощутъ Аѳеисты, показуется отъ силы и натуры имени сего самаго. Аще Богъ есть, убо и промыслъ его есть. [Таковый непреборимый доводъ и доказательство есть противу тѣхъ, которые никакоже Бога исповѣдуютъ, а промыслъ его отмещутъ. Инако развѣ Бога не совершеннаго, то есть ни Богомъ признавати похотѣли бы.] Ибо которая вещь по существу своему имѣетъ отъ кого инаго свое бытіе, таяжде по существу своему отъ того жъ требуетъ и о себѣ про-

мышленія; равносильно бо вещь имѣетъ свое существо и пребываніе. Но вся тварь по существу своему имѣетъ свое бытіе отъ кого инаго, си есть отъ Бога; ибо вся тварь себѣ существа отъ себе самой не дала, инако тѣмъ самымъ тварь оная и прежде бытія своего была бы, когда бы сама себѣ бытіе дала, и не была бы, когда во времени стала, что все не вмѣстительно. И тако вся тварь, состоящая силою Бога, ту едину имѣетъ разнь отъ онаго своего Виновника, яко той самъ отъ себе есть, и никѣмже другимъ, но собою единымъ состоитъ; тварь же вся не тако, убо вся тварь по существу своему отъ Бога требуетъ и своего содержанія и о себѣ промышленія. Не меньшая бо добродѣтель и сила требуется къ промышленію, или къ смотренію вещи, яковая была нужда къ ея творенію.

Разсудимъ о житіи нашемъ, и онаго время раздѣлимъ на малѣйшія частицы, *бывшее* то есть, *настоящее* и *будущее*: увидимъ, яко всякая часть того нашего времени съ другою частицею никакого не имѣетъ конечно нужнаго сопряженія, для того, яко одна частица другою не состоитъ, и другой не сопребываетъ, на примѣръ отсюду, что я прежде сего не давно былъ, не слѣдуетъ то, чтобъ я и нынѣ конечно былъ; или, что нынѣ есмь, не слѣдуетъ изъ нынѣшняго моего бытія, чтобъ я конечно и впредь былъ, развѣ Виновникъ мой паки мене будто сотворитъ, или

отъ

отъ единаго къ другому пренесетъ времени, но есть промыслитъ о мнѣ и утвердитъ мое въ единакомъ состояніи бытіе, и тако оное продолжитъ. Сице промышленія натуру разсудивше, немногую между промышленіемъ и твореніемъ усматриваемъ разнь, развѣ только сію, яко твореніе стало безъ всякой черпы времени, промышленіе же совершается временемъ и во времени. Показуетъ такожъ промышленіе Божіе тоежъ природное въ мысли человѣческія всѣянное о семъ знаніе, которое и Божество быти вѣруетъ. Сіе еще усмотрѣлъ и отъ древнихъ Нуменій, который отъ призыванія Бога промыслъ его быти показуетъ: такожде сіе, рече, еже во всѣхъ людехъ согласно есть, подобаетъ молити Бога, и онаго дарами и приношеніями почитати, знаменуетъ быти провиденціи. Ибо ежели бы никаяже провиденція міра сего управляла, то кто и кому молился бы?

Утверждаютъ промыслъ Божій оныя всѣ вообще доказательства, которыя въ осьмомъ числѣ на обличеніе безбожія приведены, а въ особности разсужденіе о человѣкѣ, который между всѣми тварями за мысленное свое превосходство честнѣйшій несоравненно есть, особливѣе же о единомъ различіи лицъ человѣческихъ; понеже въ толикомъ множествѣ безчисленнаго народа не возможно изыскати и единаго человѣка, которой бы другому лицемъ во всемъ подобный былъ, хотя во ономъ

лицѣ

лицѣ и частей не много есть; но елико множае людей есть, толико есть и разноличій. Того ради кто толь безчисленнаго разностей лицъ умноженія промыслу Божію не восхощетъ приписати, когда сіе видитъ несуетно сдѣланное? [Ибо ежели бы человѣкъ другому былъ лицемъ во всемъ подобенъ, какія бы происходили въ семъ житіи человѣческомъ помѣшательства? Трудно все оное и исповѣсти. И сіе едино разсужденіе многіи отъ высокихъ философовъ за довольное усмотрѣли быть къ доказательству и бытія и промысла Божія.] Не только же отъ сего, но и отъ другаго разсужденія показуется промыслъ Божій, разсудимъ только человѣковъ либо въ особности, либо въ обществѣ, то есть въ республикахъ и церковномъ собраніи, разные случаи и состоянія увидимъ. [И сіе есть въ особности,] что многая около времени рожденія и воспитанія, наставленія и ученія, и другихъ тому подобныхъ бываютъ, которая кажутся намъ случаемъ происходити; а какъ чрезъ таковые способы чудная происходятъ дѣйствія, а особливо въ Монаршихъ домахъ, которыхъ состоянію не только все государство обыкло себе уподоблять, но и въ самомъ церковномъ тѣлѣ разныя оттуду происходятъ перемѣны: то таковые плоды съ винами ихъ внятно совокупляя, не льзя не признати дивнаго нѣкоего смотренія Божіяго, то въ праведномъ наказаніи и гнѣвѣ его, то въ человѣколюбномъ по-

помилованіи и благословеніи совершаемаго. Сюда же и сіе надлежитъ, яко худыхъ людей тайная весьма злодѣянія, о которыхъ по состоянію времени и вещей кажется увѣдати бы не возможно, самоудобнѣйше, безъ всякой нужды многократно обыкли открыватися, то ради предобереженія пользы всенародной, то чтобъ онымъ злодѣямъ подобающей казни не избѣжати. Когда же цѣлые разсудимъ народы и всего міра государства, увидимъ во оныхъ многія и великія перемѣны, и непостоянства, и превращенія бываемыя, которыя хотя кажутся отъ политическихъ причинъ происходити, но самые умнѣйшіе и искуснѣйшіе мужи силу высочайшую толь дѣйствующую принуждены бываютъ исповѣдати. И сіе исповѣданіе толь праведно есть, яко нѣкоторые отъ положенія звѣздъ, либо фатальныхъ союзовъ, либо откуда инуда сицеваго премѣненія причинъ оныхъ искати нудятся, и тѣмъ самымъ признаютъ оныя событія не единымъ совѣтомъ и изволеніемъ человѣческимъ совершаемая быти. Сверьхъ того самый искусъ еженный показуетъ намъ, яко частократно самые премудрѣйшіе совѣты плода своего лишаются; вопреки же съ поспѣхомъ, да еще щастливымъ весьма, сказать такъ, никакія и кромѣ всякаго совѣта и размышленія, будто устремленіемъ нѣкоторымъ, людскія поступки происходятъ. Тотъ же искусъ и сіе показуетъ: когда царству, либо государству которому

настоитъ пагуба, тогда онаго государства самые премудрѣйшіе люди будто ослѣпленными дѣлаются, такъ что совѣтовъ здравыхъ не могутъ сыскать, ни сысканныхъ принимать и по онымъ дѣйствовать. И такъ тѣ всѣ, которые на фатальные союзы, либо на фортуну, либо на подобное что нарекаютъ, не вѣдаютъ, что говорятъ. А по прямому должны провиденцію оную чудную Божію признати. Всякъ бо, который разсудитъ о состояніи царства Израильскаго при Ровоамѣ, Іудейскаго при Седекіи, Перскаго при Даріѣ (*) Котоманѣ, котораго Александръ великій побѣдилъ: то изъ того разсужденія самое дѣло онаго промысла Божіяго чувствительно увидитъ. Когда же къ разсужденію и о церквѣ прейдемъ, то и здѣ свѣтлое позорище промысла Божіяго намъ покажется; ибо ежели кто начало тонкое съ чудеснымъ возрастомъ оныя, непріятелей навѣты и гоненія съ защищеніемъ ужаснымъ, неразлучное наслѣдіе съ премѣненіями, которыя понесла, и вездѣ всѣ плоды съ причинами правильно и тщательно снесетъ и соравнитъ, тотъ премудрое во всѣхъ сихъ всеудобнѣйше усмотритъ Божіе правленіе. Едино между многими сомнительствами, аки бы сильнѣйшее и важнѣйшее, которое обыкло въ мысли человѣческія вселяпися о про-

(*) Книга 3 Царствъ, гл. 12. Книга 4 Царствъ, гл. 25

промыслѣ Божіемъ, предлежитъ нынѣ разрѣшити, кое прежде еще Сенека въ книзѣ о провиденціи усмотрѣлъ: чесо ради, рече, злая приключаются добрымъ людямъ, егда есть провиденція? Отвѣщеваетъ на сіе и разумъ человѣческій и Писаніе Священное. Что до перваго, не возможно сего не признать, яко злыхъ людей благополучіе много кажется намъ большимъ быти, нежели въ самой вещи есть; ибо какъ нанчащше бываетъ, что благополучіе высокое съ прудностями неизреченными, съ бѣдами и опасностями превеликими, съ попеченіями некончаемыми совокуплено есть. И когда бы кто вся благополучія и довольствія имѣлъ, лишенъ же бы былъ тишины своея и упокоенія, не можетъ не быти злополучнымъ и самымъ бѣднѣйшимъ, хотя бы онъ казался и нанщастливѣишимъ. Тако равномѣрно и тѣхъ, которыхъ за нещастливыхъ людей почитаемъ, нещастливость и злополучіе много большимъ намъ мнится быти, нежели въ самой вещи есть; ибо ежели кто кромѣ всякаго злодѣянія есть, и въ совѣсти своей тишину и чудный оный миръ имѣетъ, то хотя онъ и кажется быти злополученъ, однако же по справедливости много благополучнѣйшимъ онъ будетъ оныхъ злыхъ людей, которые, въ превысочайшемъ всякихъ вещей довольствіи изобилующе, суть несравненно злополучнѣйшіе. А яко того своего злополучія злые не вѣдятъ, то самое невѣжество ихъ есть злополучіе. И тутъ

наибольше показуемъ мы ума нашего слабость, когда не только признаемъ злыхъ оныхъ благополучіе, и тѣмъ самымъ онымъ похлебствуемъ, себе же прельщаемъ, но еще тому жъ благополучію и завидимъ. У убогаго человѣка пища и питіе худѣйшее по многой части бываетъ, нежели у богатаго; но кто чего сладостнѣе употребляетъ, того здравый стомахъ свидѣтель есть. Не множаель щастливцы оные, многоразличными трапезами изобилующіе, имѣютъ свой поврежденный стомахъ, который по несытству своему излишнимъ яствіемъ обременивше, понуждаютъ его до изблеванія и другихъ тягостей. А когда къ сему оныя упомянувшіяся трудности и излишнія попеченія приложатся, то не трудно всякъ узнаетъ, котораго изъ сихъ сладка и вкусна, и котораго въ самой вещи горька и непріятна, а по мнимому сладка и вкусна трапеза будетъ. Но въ разсужденіи доброты и злобы человѣческой многократно прельщаемся. Часто намъ мнятся быти люди добродѣтельны и простосердечны, кои самою вещію суть скаредны, льстецы и лицемѣры; вопреки же тѣхъ поносимъ, яко худыхъ и непотребныхъ, которые въ правду суть благи и всякія чести предостойнѣйшіе. Напослѣдокъ, когда и тако будетъ, якоже и частократно бываетъ, что многіе предобрые и добродѣтельные мужи кромѣ всякихъ своихъ винъ утѣсняемы суть, и многи скорби и конеція невинно претерпѣваютъ, то уже здѣ раз-

разсужденіе ума нашего натуральное подкрѣпляетъ откровеніе Божіе чрезъ Священное Писаніе, си есть, чрезъ оное извѣствуемся, яко остается по животѣ семъ будущее совершенное воздаяніе благимъ и злымъ по мѣрѣ правосудія Божіяго. И тако злая сія вся, приключающаяся благимъ людямъ, обращаются во благая, по свидѣтельству Писанія къ Римлянамъ гл. 8. ст. 28: *Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.* Дѣяній гл. 14. ст. 22: *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* У Луки гл. 24. ст. 26: *Не сія ли подобаше пострадати Христу, и внити въ славу свою?* И сіе-то есть тайна креста Христова, которую невѣрные постигнути не могутъ; а спасаемые здѣ познаютъ верьховную Божію премудрость и всемогущество. Въ первомъ посланіи къ Коринѳ. гл. 2. ст. 6 и 7: *Премудрость глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу.* Тако убо злополучія и бѣды благочестивыхъ людей не суть зло, но паче доказательство любви Божіей. Къ Евр. гл. 12. ст. 6 и 7: *Егоже любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ: который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ?* Отъ сихъ всѣхъ, еще же и отъ

собственнаго разсужденія о безсиліи, скудостяхъ и несовершенствахъ прочихъ тварей, явственное происходитъ промышленія Божія доказательство, что всякому, внимательно сія вся разсуждающему, видимо будетъ.

2. Душа человѣческая, которую Аѳеисты яко тѣлесную, тако и смертную мнятъ быти, есть невещественная, сирѣчь и безтѣлесная и безсмертная: невещественная по сему, яко движеніе оныя не что иное есть, только единое помышленіе, которымъ душа безчисленные обѣекты, то есть представляемыя себѣ вещи многоразличныя постигаетъ, и будто написуетъ и написанная хранитъ, яко въ неизчерпаемыхъ нѣкіихъ сокровищахъ; и когда похощетъ, произноситъ оныя въ неудобовѣрительной скорости, съ чудеснымъ и неизреченнымъ благочиніемъ, безъ всякаго помѣшательства. И такое оныя написаніе не всегда бываетъ простое, но отъ многихъ сложенное; ибо однѣхъ вещей идеи, или образы, съ другими разными образами въ соединяетъ; а отъ соединенія сего новые и странные образы написуетъ, и сіе у философовъ аргументаціею называется. Что же всего чуднѣе есть, о таковыхъ всѣхъ своихъ помышленіяхъ другимъ глубочайшимъ, а весьма отмѣннымъ помышленіемъ, то есть обратнымъ онаго дѣйствіемъ извѣстною бываетъ, и не только тое, но и оныя еще испытуетъ, и по такому испытанію утверждаетъ, или опровергаетъ. Еще же

и тое испытаніе свое безъ всякихъ доводовъ вѣдаетъ другимъ множае внутреннѣйшимъ помышленіемъ, то есть сама въ себѣ тому свидѣтель есть, паче всякаго свидѣтельства достовѣрнѣйшій. Въ мозгѣ же человѣческомъ хотя сколько нибудь присматриваться станешь, и разныхъ прилѣжанія и испытанія образовъ употребишь къ раздѣленію онаго, и къ другимъ Анатомическимъ и Химическимъ резолюціямъ, то не сыщешь въ немъ и малѣйшаго слѣда толь дивныхъ дѣйствій, которыя бы могли отъ него произыти; ибо не только мозгъ, но и все тѣло человѣческое мало и мѣлко есть. Душа же, въ толь тѣсномъ мѣстѣ съ нимъ сопряженная, всю подсолнечную въ своихъ акибы нѣдрахъ содержитъ. Таяжъ душа имѣетъ другую составительную свою часть, то есть волю, которая имѣетъ дивную нѣкоторую власть, власть же повелительную не только надъ всѣми ума онаго дѣйствіями, но и надъ самымъ тѣломъ ко всякому, якоже ей похощется, обращенію; и о таковой власти нашей обратнымъ онымъ помышленія нашего дѣйствіемъ мы сами бываемъ извѣстны кромѣ всякаго сомнѣнія. Но и таковой верьховной власти воли нашея иногда разумъ, первѣйшая души часть, предѣлы и мѣру уставляетъ; и когда случится оной волѣ въ предѣлы переступить, тогда сицевымъ ума нашего обращеніемъ тое ея безмѣріе усматриваетъ, и се-то есть совѣсть; а усмотрѣ-

рѣвше тѣмъ же дѣйствіемъ увѣщаваемъ оную волю къ сокращенію той власти, или къ премѣненію; и таковымъ увѣщаніемъ тогда многократно исправляемы бываемъ по всему человѣку, когда со властію худымъ обычаямъ противимся и оныхъ весьма ненавидимъ. Сими и симъ подобными безчисленными дѣйствіями непрестанно упражняющаяся душа человѣческая никогдаже можетъ утрудитися и изнемощи, что всякъ, присмотрѣвшійся себѣ, безъ всякихъ трудовъ можетъ познати. И сія вся оныя дѣйствія не иное что суть, только единое помышленіе, си есть мысли нашея природное нѣкоторое существенное движеніе. Матерія же всякая, въ разсужденіи своего существа, постизаемая бываетъ нами яко всячески протяженная, сирѣчь имѣющая широту, долготу, глубину, высоту и прочія фигуры. А съ таковыми свойствами всякой матеріи не возможно никоею же мѣрою свойствъ ума нашего смѣсити; ибо одни отъ другихъ всецѣлымъ, да тако реку, небомъ отстоятъ. Кто бо скажетъ, что въ матеріи оной, внѣшнимъ чувствамъ подлежащей, и въ тѣлесныхъ ея фигурахъ усматривается подобное нѣчто чуднымъ онымъ ума нашего постизательствомъ, развѣ безстудіемъ сицевымъ послѣднее свое похощетъ открыти невѣжество? И отсюду поистиннѣ душа наша показуется въ своемъ существѣ быти невещественная.

Без-

Безсмертная же душа по сему познаетъся, когда она животъ свой имѣетъ въ движеніи; а чрезъ движеніе помышленіе разумѣется. Помышленіе же такое непрестанное у нея есть, то и движеніе у нея перестати не можетъ; ибо сама себе никогдаже можетъ оставити. Движеніе же души, не яко тѣлесныя вещи движеніе, но яко живоносное оныя и не престающее, паче же самое существенное ея дѣйствіе здѣ разумѣется. И такъ крѣпкое и само собою всякому ясное происходитъ отъ реченныхъ слѣдствіе; ибо когда душа, какъ показано, есть невещественная и безтѣлесная, то оная есть и не раждаемая и не умирающая. Существо бо безтѣлесное никаковаго сѣмене въ себѣ не имѣетъ, и отъ тѣлесной вещи бытія своего получить не можетъ; понеже, по универсальному всѣхъ философовъ знанію, вина вещественная всегда себѣ подобный плодъ вещественный же производитъ. И такъ душа начинаетъ быти чрезъ единое Божіе всемогущее твореніе, которое, когда въ разсужденіи намъ предстоитъ, яко вещи изъ ничего въ бытіе произведеніе: то показуетъ разстояніе некончаемое, между ничѣмъ и между вещію имѣющееся. Къ одолѣнію же таковаго некончаемаго разстоянія никая сила можетъ быти довольна, кромѣ всемогущества Божіяго; а когда душа начинаетъ бытіе свое имѣти чрезъ твореніе Божіе, а не чрезъ рожденіе, то она не можетъ не быти и чрезъ смертное раздѣ-

леніе. Смерть бо не что иное есть, точію раздѣленіе частей, во взаимномъ совокупленіи бывшихъ. Душа же безтѣлесная и ни изъ какихъ частей сложенная, но вся въ себѣ купно сущая, коему бы могла подпасти раздѣленію, не возможно сего и постигнути. Когда бо есть вся въ себѣ цѣла и существенно нераздѣлына, то слѣдовательно тѣмъ самимъ есть и безсмертна. Способствуетъ къ томужъ безсмертію души чувственнымъ доказательствомъ гласъ совѣсти человѣческія, грѣшниковъ всегда снѣдающія, хотя бы оные выше всякаго страха человѣческаго въ самомъ превысочайшемъ градусѣ обрѣтались; такожде нѣкоторое природное безсмертія вожделѣніе, обще всѣмъ людямъ врожденное, которое и въ самыхъ прегрубѣйшихъ народахъ видимо есть. И хотя душа иногда въ немощи тѣлесной аки бы спящая, или сонемоществующая, многажды видится; однакожъ сіе ея тѣлу соболѣзнованіе, свойственнѣе же рещи сожалѣніе, бываетъ для самаго пріискренняго и тѣснѣйшаго съ тѣломъ своимъ сопряженія. И часто то видно бываетъ, яко во многихъ тяжчайшихъ болѣзняхъ и при послѣднемъ издыханіи совершенное свое имѣетъ дѣйствіе въ здравомъ помышленіи, познаніи и разсужденіи, когда уже и всѣ члены тѣлесные въ послѣднее пріидутъ безсиліе, и въ натуральной оскудѣваютъ конечно теплотѣ.

3. Духовъ безтѣлесныхъ бытіе показуется изъ самаго всесовершеннѣйшаго всего міра составленія.

вленія. Аще бо вѣмъ быти естества нѣкоторыя просто тѣлесныя, яковыя суть всѣ, кромѣ человѣка, и притомъ естество частію тѣлесное, частію же умное, каковое есть человѣкъ: убо ради совершеннаго и генеральнаго міра сего составленія и красоты прилично быти естеству и просто умному, или просто безтѣлесному; а какъ просто тѣлесныя вещи имѣютъ свое совершенное существо, то по силѣ равномѣрія и просто умному естеству подобаетъ быти толико совершенному, чтобы по такому своего существа совершенству сопряженія тѣлеснаго не требовало, и тѣмъ самимъ отъ души человѣческой разнь свою имѣло. Утверждается такожде бытіе безтѣлесныхъ духовъ бытіемъ души человѣческой, о которомъ во второмъ числѣ выше сего довольное было слово, или доказательство. Но способствуетъ еще сему и всенародное мнѣніе, свидѣтельства различныя различныхъ историковъ, примѣры безчисленные, изъ чего множайшею частію человѣческое составляется познаніе. Кто жъ, здраваго ума сый, оныя представленія многообразныя единому прелестному дерзнетъ причести суевѣрію, или хитростному вымышленію? Когда различіе и временъ, и народовъ, и свидѣтельствъ согласіемъ своимъ истинну самую показуютъ; къ тому жъ когда выше сего явственно доказано Божіяго естества и души человѣческой бытіе: то какое можетъ показатися неприличіе бы-

тія оныхъ тварей умныхъ? А всемогущество наивящше Божіе, яко ближайшее онаго бытія свойство, всякое здѣ отъемлетъ сомнительство. Кто же бы о семъ похотѣлъ сомнитися, тому надлежитъ первѣе важную и истинную причину своего сомнѣнія показать, какое бы онъ неприличіе въ духахъ тѣхъ безтѣлесныхъ усмотрѣлъ; инако бо отъ послѣдняго упрямства и безстудія не будетъ свободенъ; ибо когда, яко выше речено, многія свидѣтельства разновѣрныхъ людей и различными временами пожившихъ представляютъ нѣкоторыя чрезвычайныя нѣкіихъ людей дѣла, волхвованія и чудотворенія и прочая симъ подобная, которая видимо мѣру естества человѣческаго превосходятъ: то кто отсюду не усмотритъ вышетѣлесной твари, совершенствомъ своимъ немощь онаго человѣческаго естества превосходящей? Буде же Аѳеисты вѣрить сему не похотятъ, должны будутъ показать самую правдивую причину тому своему невѣрію; но сіе у нихъ безнадежно.

4. Пророчества, или пророченія о будущихъ вещахъ случайныхъ были, и суть, и имѣли начало свое отъ самаго всевѣдущаго Бога, и отъ него сказуемы были человѣкомъ, благодатію его просвѣщеннымъ. Сіе показуется чудеснымъ событіемъ премногихъ пророчествъ, о вещахъ бывшихъ таковыхъ, которыя послѣ многихъ вѣковъ собылись тако, якоже пророчества предсказали, изъ которыхъ знатнѣйшее есть

у Исаіи мѣсто о Кирѣ, первомъ Персидскомъ Царѣ, въ главѣ 44, стихѣ 28, да въ главѣ 45, стихѣ 1. Пророкъ Исаія жилъ во время Езекіи, Царя Израильскаго, отъ котораго до перваго плѣненія Вавилонскаго были еще по немъ Цари во Іерусалимѣ, числомъ восемь, якоже имѣется въ книзѣ второй Паралипоменонъ отъ главы 32, до конца той книги. По пресѣченіи же Царей Іудейскихъ и раззоренiи Іерусалима были Іудеи въ плѣненіи Вавилонскомъ седьмдесятъ лѣтъ. По прошествіи же 70 лѣтъ абіе Монархія Вавилонская престала и раззорена была отъ онаго Кира, Царя Персскаго, который по взятіи Вавилона велѣлъ обновить раззоренный храмъ Іерусалимскій, всѣхъ же Іудей, въ Халдеи и прочихъ странахъ бывшихъ, отпустить въ свое отечество, и то открытымъ своимъ публичнымъ указомъ всенародно объявилъ. А таковое Кира ко Іудеемъ благодѣяніе Исаія прежде толикаго множества временъ, си есть прежде 200 лѣтъ, или и больше, не только предзрѣлъ, но и весьма ясно предсказалъ, и самаго Кира по имени назвалъ въ вышепомянутой главѣ 44, стихѣ 28. иже, си есть Господь, *глаголетъ о Кирѣ: ты еси пастырь мой, и ты исполниши всю волю мою, и глаголетъ ко Іерусалиму: созиждешися, а хъ церкви, основана будеши.* Въ 45. главѣ стихѣ 4. *ради раба моего Іякова, и Израиля избраннаго моего, азъ прозову тя именемъ твоимъ, и пріиму тя: ты же не позналъ еси мене,*

мене, и прочая. Не меньше славное и Даніила Пророка о раззореніи единыхъ, а о возстановленіи другихъ царствъ имѣется пророчество, которому коль ясно разныя событія согласуютъ послѣднія, не возможно довольно удивится. И понеже тѣмъ же событіямъ согласуютъ разныя многихъ беззазорныхъ историковъ свидѣтельства, то како Аѳеисты безъ крайняго и неразсуднаго своего безстудія тому прекословити дерзнутъ, развѣ всякое знаніе и достовѣріе единымъ слѣпымъ своимъ упрямствомъ у всѣхъ *людей отняти похотятъ*. Былъ отъ язычниковъ Порфирій, славный оный врагъ Христіянъ, который противъ благочестія Христіянскаго пятьнадесять книгъ написалъ, изъ коихъ числомъ дванадесятую книгу всю на опроверженіе Даніила Пророка составилъ: тако ему сей, паче прочихъ всѣхъ, тяжестенъ отъ своихъ предреченій показался, что за явственную бы побѣду надъ Христіянствомъ себѣ причиталъ, ежели бы его единаго могъ испровергнути. Но тогдажъ отъ древнихъ учителей, Меѳодія, Евсевія и Аполлинарія, сильными доводами изобличенъ, которое долготою времени, такъ какъ и другія множайшія писанія, *до насъ не дошли*; однако послѣди оныхъ Іеронимъ, нѣкоторые тогожъ Порфирія доводы воспоминая, изобличаетъ, а именно: яко Порфирій мнитъ имя Даніила въ книзѣ оной ложно прописанное быти, а книгу тую глаголетъ составленную быти во Іудеи

во

во времена Антіоха Епифанія отъ нѣкотораго Жидовина, который тогда бывшее уже вещей состояніе, будто будущее, описалъ. Іеронимъ на сіе въ предисловіи своемъ на Даніила Пророка тако глаголетъ: толикое-то реченныхъ было достовѣріе, яко Пророкъ невѣрнымъ людямъ возмнѣлся не будущая предглаголати, но мимошедшая повѣствовати. Къ томужъ Порфирій, не добрѣ уразумѣвъ силу и намѣреніе пророчества Даніилова, опровергати оное осмѣлился; ибо звѣря онаго третіяго и четверпаго, въ седьмой главѣ Даніила воспомяненнаго, къ единой Греческой Монархіи прицѣпляетъ, изъ которыхъ четвертый звѣрь по силѣ пророчества къ Римской монархіи надлежитъ. Такожде 10 роговъ, и посредѣ оныхъ малѣйшій рогъ возрастшій, худымъ своимъ толкованіемъ до прежнихъ вещей относитъ, которыя будущимъ вещамъ приличныя показуетъ Іеронимъ, и тѣ вещи по большой части нынѣ намъ суть уже настоящія; ибо оные роги десять царствій, отъ Римской Монархіи составльшихся, знаменуютъ: чтый да разумѣетъ.

Паче всѣхъ же пророчествъ несоравненно удивительнѣйшее есть предсказаніе самаго Христа Господа о раззореніи Іерусалима и о церквѣ оной Соломоновой. Что Христосъ родился во дни Августа Кесаря, во дни же Тиверія распятъ былъ на крестѣ, сему никтоже и отъ самыхъ Аѳеистовъ прекословитъ; ибо раз-

разныя о семъ не точію Іудейскія, но и Римскія и Греческія свидѣтельствуютъ исторіи. Раззореніе же Іерусалима было во время Императора Веспасіана, перваго лѣта государствованія его, и по смерти Христовой 38 году, и оное раззореніе толь ясно было Христомъ Господемъ предсказано, яко событіе онаго тому предсказанію ни въ чемъ отмѣнно не было. Іосифъ Жидовинъ въ книгѣ 7, въ главѣ 17 и 28 глаголетъ о помянуномъ раззореніи, яко самихъ плѣнниковъ было 97 тысячь; убіенныхъ же отъ Римлянъ и отъ междоусобнаго мятежа во время всего облеженія милліонъ и сто тысячь, кромѣ тѣхъ, которыхъ продано безъ числа, наипаче женъ и дѣтей, ихъ же никто ради глада и купити хотяше, и кромѣ тѣхъ, которые побѣдительнаго ради входа въ Римъ цѣлы сохранены; самый же градъ съ церковію оною преславною до основанія раззорилъ Титъ, сынъ Веспасіановъ, и камене на камени не оставилъ, только три столпы въ знаменіе величества и красоты града онаго тѣмъ, которые не видѣли его, цѣлы сохранилъ, прочіе же вси домы и стѣны съ землею соравнилъ, яко едва слѣдъ тамо былъ прежде того обитавшихъ. Таковое событіе аще приложишь къ предсказанію Христову, то оное ясно имѣется въ слѣдующихъ мѣстахъ: у Матѳ. гл. 24, стихъ 15: *Егда узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: иже чтетъ, да разумѣетъ.*

Стихъ

Стихъ 16: *Тогда сущіи во Іудеи да бѣжатъ на горы:* ст. 17: *И иже на кровѣ, да не сходитъ взяти, яже въ дому его:* ст. 18: *И иже на селѣ, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ.* Ст. 19: *Горе же непраздныимъ и доящимъ въ тыя дни.* Ст. 20: *Молитеся же, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу,* ст. 21: *Будетъ бо тогда скорбь велія, яковаже не была отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти.* Ст. 22: *И аще не быша прекратилися дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранныхъ же ради прекратятся дніе оны.* У Марка въ гл. 13. ст. 2: *Отвѣщавъ Іисусъ рече ему: видиши ли сія велика зданія? не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится.* Ст. 14: *Егда узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу, идѣже не подобаетъ:* [*чтый да разумѣетъ:*] Ст. 15: *И иже на кровѣ, да не слазитъ въ домъ, ни да внидетъ взяти чего отъ дому своего,* ст. 16: *И иже на селѣ сый, да не возвратится вспять взяти ризу свою.* Ст. 17: *Горе же непраздныимъ и доящимъ въ тыя дни.* Ст. 18: *Молитеся же, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ.* Ст. 19: *Будутъ бо дніе тіи скорбь, якова не бысть такова отъ начала созданія, еже созда Богъ, до нынѣ, и не будетъ.* Ст. 20: *И аще не бы Господь прекратилъ днiй, не бы убо спаслася всяка плоть: но избранныхъ ради, ихже избра, прекратитъ дни.* А всего яснѣе у Луки гл. 19. ст. 41: *И яко приближися, видѣвъ*

градъ,

градъ, плакася о немъ, ст. 42. *Глаголя, яко аще бы разумѣлъ и ты въ день сей твой, еже къ смиренію твоему: нынѣ же скрыся отъ очію твоею*: ст. 43: *Яко пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя и обѣимутъ тя отвсюду.* Ст. 44: *И разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времене посѣщенія твоего.* Да въ главѣ 21, стихѣ 5: *Нѣкимъ глаголющимъ о церквѣ, яко каменіемъ добрымъ и сосуды украшена, рече*, ст. 6. *Сія яже видите, пріидутъ дніе, въ няже не останетъ камень на камени, иже не разорится.* Ст. 20: *Егда узрите обстоимъ Іерусалимъ вои, тогда разумѣйте, яко приближися запустѣніе ему.* Ст. 21: *Тогда сущіи во Іудеи, да бѣгаютъ въ горы: и иже посредѣ его, да исходятъ: и иже во странахъ, да не входятъ вонь.* Ст. 22: *Яко дніе отмщенію сіи суть, яко исполнитися всему писанному.* Ст. 23: *Горе же имущимъ во утробѣ и доящимъ въ тыя дни: будетъ бо бѣда велія на земли, и гнѣвъ на людехъ сихъ.* Ст. 24: *И падутъ во остріи меча, и плѣнени будутъ во вся языки: и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ.* Отъ сихъ чувственно всякъ увѣриться можетъ, весьма неложное Христово пророчество, всякій умъ человѣческій несоравненно превосходящее, единому же всевѣдуществу Божію приличное быти.

На-

Напослѣдокъ, понеже по многимъ доказательствамъ весьма видимое есть бытіе Божія-го существа, которое яко въ себѣ всесовершенное и премудрое, тако тоюжъ своею премудростію и будущія вещи совершенно вѣдаетъ: то могло быти отъ егожъ самаго нѣкоторымъ человѣкамъ свободное и самопроизвольное его о семъ откровеніе, о чемъ когда свидѣтели многіе показались, то оныхъ свидѣтельствамъ не вѣрити, развѣ бы по самымъ сильнымъ доводамъ и явственнымъ безпристрастнымъ изобличеніямъ возможно было; инако же всякъ глупому безстудію и неразсудному легкомыслію будетъ виновенъ.

5. Чудеса, Аѳеистамъ невѣроятныя, въ самой же вещи не только могущія быти, но и поистиннѣ бывшія, утверждаются тѣмижъ вышереченными доводами, и которые о истиннѣ Христіянскаго благочестія предложатся.

6. Благочестія Христіянскаго истинна показуется быти отъ слѣдующихъ: и вопервыхъ отъ свидѣтельства ветхаго завѣта, а наипаче отъ Пентатевха, то есть пятичисленныхъ книгъ Моисеовыхъ, яко оныя Моисеовы книги быти истинное Слово Божіе, свидѣтельствуютъ вси Іудеи, прежде жившіе и нынѣ живущіе во всемъ свѣтѣ, которые при разныхъ и многочисленныхъ царствъ и народовъ премѣнахъ особливымъ призрѣніемъ Божіимъ умножившися, чрезъ долгое время въ благополучномъ обрѣтались состояніи, а нынѣ отнелѣже того благополу-

чія лишились, и въ различныя всего міра страны разсѣялись, и неизреченнымъ бѣдамъ и тѣснотамъ подпали, но въ показаніе гнѣва Божія-го во всемъ родѣ никакоже оскудѣли. Другая тысяча лѣтъ тому ихъ премѣненію истекаетъ, а при такомъ своемъ бывшемъ и нынѣшнемъ состояніи тотъ законъ, отъ Бога чрезъ Моисея себѣ данный, удержали зѣло, и не возможно сказать, дабы тотъ законъ, а особливо обрядовый, смѣшеніемъ Іудеевъ между прочіи народы былъ либо умаленъ, либо тѣхъ же народовъ обычаями прибавленъ; ибо оный законъ, яко отъ всѣхъ обычаевъ людскихъ странный, и да тако реку, дикій, наипаче о обрѣзаніи, о омытіяхъ, о ошаяніяхъ, о праздникахъ и тому подобныхъ, дѣлаетъ Іудеевъ, да и паки реку, отъ всѣхъ народовъ, въ подсолнечной обрѣтающихся, отмѣнными, и весьма ихъ по существу всего обряда раздѣляетъ. Не меньше же и по сему ветхій завѣтъ, паче же Пентатевхъ, утверждается, яко Моисей, [которому оныя книги причитаются] жилъ много прежде другихъ всѣхъ иновѣрныхъ историковъ, которыхъ сколько ни есть, всѣ несравненно юнѣйши суть Моисея; ибо всѣхъ иновѣрныхъ историковъ древнѣйшій быти Финикійскій, си есть Хананейскій писатель Санхоніатонъ вѣрится [онъ, по свидѣтельству Порфирія, есть юнѣйшій Моисея около двухъ сотъ лѣтъ], коего писаніе съ языка Финикійскаго на Греческій перевелъ Филонъ Вивлій, а

изъ

изъ того перевода нѣкоторыя мѣста выписалъ Евсевій Памфилъ, первый Христіянскій историкъ, и въ книги своя о Евангельскомъ предуготовленіи въ первую и въ десятую включилъ. Пишетъ же Порфирій, яко оный Санхоніатонъ къ тому своему писанію въ наставленіе получилъ нѣкоторыя книги отъ Іероваала, нѣкоего священника бога Θева. Кто же тотъ былъ Іероваалъ, самое Священное Писаніе намъ его толкуетъ въ книзѣ Судей въ главѣ 6, стихѣ 32: *И прозва его въ той день Іеровааломъ*; а сіе имя есть второе Гедеона, судіи во Израили, по сокрушеніи Ваала идола ему данное, какъ явствуетъ въ той же книгѣ, въ главѣ 7, стихѣ 1, 2: *Обутренева Іероваалъ, сей есть Гедеонъ и вси людіе, иже съ нимъ.* Въ главѣ 8, стихѣ 35: *И не сотвориша милости съ домомъ Іеровааловымъ, сей есть Гедеонъ, по всей благостыни его, юже сотвори со Израилемъ.* И тако Санхоніатонъ, предъ которымъ древнѣйшаго нѣтъ никоегоже *историка*, толь много юнѣйшій есть Моисея, а кольми паче прочіи историки, по немъ не скоро уже бывшіи! И понеже Моисей многимъ здѣло временемъ прочихъ всѣхъ историковъ и Санхоніатона древнѣйшій есть, то кто лучше могъ вѣдати самыя древности состояніе и начало всѣхъ вещей? Послѣдовательно чіе свидѣтельство тако будетъ достовѣрно, якоже Моисеово? Чтожъ, когда еще здѣ, яко къ показанію совершеннаго знанія и мудрости, разсудимъ о

началѣ рода человѣческаго и о другихъ множайшихъ и безчисленныхъ вещахъ, о сокращеніи такожде житія человѣческаго и слабости и ко злу преклоненіи ума человѣческаго, и тѣмъ подобныхъ: воистинну никтоже изъ философовъ, сколько ихъ ни было, толь приличной и ясной не могъ составити системы, якоже научила насъ едина Моисеова исторія, что уже множайшіи отъ богослововъ весьма сильными показали и утвердили доводами, и сіе здѣ яко утвержденное полагается. Ради достовѣрнаго еще доказательства пріимемъ въ глубочайшее разсужденіе послѣднее сіе: понеже умъ нашъ, сопряженный тѣлу нашему, имѣетъ нѣкоторую слабость и особливое ко злу свое склоненіе, то не возможно той слабости самому причесть тѣлу, которое само собою не можетъ дѣйствовати. Ибо хотя отъ тѣла чрезъ чувства внѣшнія и чрезъ движеніе сердечное происходятъ многія страсти, которыя философія моральная, то есть нравоучительная, называетъ аффектами, однакожъ тѣ страсти, сами въ себѣ разсуждаемыя, натурально не суть злыя и вредительныя. И такъ мощно сказать, яко человѣку оныя естественно приданы въ единую его пользу, на примѣръ: всажденъ въ человѣка гнѣвъ не къ злобному отмщенію и неподобной враждѣ, но къ отраженію вредительныхъ ему вещей; страхъ и боязнь не къ малодушію и отчаянію, но на уклоненіе отъ тѣхъ же вещей, которыхъ

гнѣ-

гнѣвомъ и ополченіемъ отразити отъ себе не возможетъ ; вожделѣнія же страсть не къ прелюбодѣянію, ни къ другимъ похотямъ безмѣстнымъ, но къ полученію полезныхъ. Когда же человѣкъ вмѣсто правильнаго оныхъ страстей употребленія къ излишеству уклонится, тогда не такъ тѣло, какъ душа тому уклоненію, паче же рещи, прелщкновенію виновна бываетъ. Таковоежъ человѣческое ко злу склоненіе безъ воли его не можетъ происходити, который чего не восхощетъ, то есть, о чемъ не благоволитъ, то и содѣяти не пожелаетъ; ибо воля конецъ своего удовольствованія имѣетъ добро, подъ каковымъ либо видомъ постизаемое; а онаго добра не можетъ постизати безъ разсужденія, понеже человѣкъ вопервыхъ всякую вещь разумомъ своимъ постизаетъ и познаетъ, познанной же или хощетъ, яко доброй, или не хощетъ, яко худой. Тако убо и въ предпомянутыхъ страстяхъ человѣческихъ бываетъ, которыя хотя чрезъ жизненные духи отъ сердца къ мозгу происходящія, и самый мозгъ движущія, наконецъ и самый умъ человѣческій, внутрь мозга престолъ свой содержащій, тѣмъ же движеніемъ смущаютъ; однако же кромѣ разсмотренія разума и повелѣнія воли, яко самихъ правительствующихъ властей, никаковаго себѣ опредѣленія и дѣйствія совершеннаго не имѣютъ; и многократно бываетъ, что умъ человѣческій шое страстей усмотрѣвши движеніе, своимъ раз-

разсужденіемъ непорядочное утоляетъ смущеніе. Когда же примѣромъ мужа женатаго, упустивши свою верьховную надъ всемъ тѣломъ прерогативу, тому жъ тѣлу, будто женѣ своей, спрасти оныя производящему, потакаетъ и похлѣбствуетъ, тогда уже и въ самомъ дѣлѣ показуется слабость и скорое оное ко злу человѣческое склоненіе. Чтожъ сіе дѣлаетъ, яко умъ, безтѣлесное и невещественное существо, совершенствомъ своимъ несоразмѣрно дебелость оную тѣлесную превосходящее и никакой съ тѣломъ равности и сходства неимѣющее, таковымъ слѣпымъ тѣла движеніямъ покаряется и самохотнымъ своимъ изволеніемъ рабу своему порабощается, не сыщутъ въ своихъ системахъ оные превысокіе философы никакой основательной причины. Исповѣдаютъ они сію лютую скудость въ человѣкѣ быти, множайшіе же и нарекаютъ на оную, и къ лучшему сея преображенію многія добронравія правила составили и предали, но изслѣдовати причины не возмогли. Благочестіе же Христіянское и онаго пріискренній свидѣтель Священное Писаніе тайну сію недовѣдомую толь ясно открыли и истолковали, въ прародительномъ, глаголю, грѣхѣ, и отъ онаго въ произшедшемъ человѣческомъ развращеніи, яко ничтоже яснѣе можетъ показатися. Снеси мѣста Писанія, и увѣси, Бытія гл. 3. ст. 6: *И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти*

ти, и красно есть, еже разумѣти: и вземши отъ плода его яде, и даде мужу своему съ собою, и ядоста. Бытія гл. 6. ст. 5: *Видѣвъ же Господь Богъ, яко умножишася злобы человѣковъ на земли, и всяко помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилѣжно на злая во вся дни.* Екклесіаста гл. 7. ст. 29: *Человѣка единаго отъ тысящъ обрѣтохъ, а жены доброй во всѣхъ сихъ не обрѣтохъ.* Матѳ. гл. 15. ст. 19: *Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убивства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, сія суть сквернящая человѣка.* Къ Римл. гл. 5. ст. 12: *Якоже единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша.* Гл. 7. ст. 17: *Нынѣ не тому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ.* Къ Галатомъ гл. 5. ст. 16: *Глаголю же, духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте.* Ст. 17: *Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія другъ другу противятся.* Въ первомъ посл. къ Коринѳ. гл. 2. ст. 14: *Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже духа Божія, юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ испытуется.* Во второмъ посл. къ Коринѳ. гл. 3. ст. 5: *Не довольны есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога.* Іакова гл. 1. ст. 14: *Кійждо искушается, отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ.* И ст. 15: *Таже похоть зачевши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть.*

Отъ ветхаго завѣта, яко свою крѣпость получаетъ Христіянское благочестіе, показуетъ сіе самое правильное отъ онаго происходящее послѣдованіе, то есть, когда разсудимъ, яко церковь оная ветхаго завѣта была церкви новаго завѣта преддверіемъ, и показывала будущая, яже собывшаяся уже новая Христова церковь представляетъ.

Способствуютъ истиннѣ Христіянскаго благочестія свидѣтельствомъ своимъ и Христовы Апостолы, о воплощеніи, страданіи, смерти и воскресеніи, и другихъ чудесахъ Спасителя нашего проповѣдавшіи. Сіе же тако:

Самый умъ человѣческій въ томъ наставляетъ насъ, дабы мы тѣмъ свидѣтелямъ вѣру имѣли, которые о томъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, сами добрѣ вѣдали, и во свидѣтельствахъ своихъ никакой страсти, обыкшей бывати въ ложныхъ свидѣтеляхъ, порабощены не были. Таковые были Апостолы; ибо совершенно то вѣдали, о чемъ проповѣдали, а вѣдали отъ непрестаннаго своего со Христомъ до самой кончины его пребыванія; проповѣдали же съ единымъ простосердечіемъ и нелицемѣрною вѣрностію. Сіе видимо есть оттуду, что не оставили о своихъ скудостяхъ, либо преткновеніяхъ, и малыхъ воспомянути, и въ такой проповѣди своей не только всю свою пользу временну отвергли и презрѣли, но еще премногія злоключенія и бѣды понесли, напослѣдокъ и самыя лютыя смерти претерпѣли.

пѣли. И при таковыхъ несперпимыхъ случаяхъ дивное свое постоянство и непоколебимое великодушіе показали. А таковымъ безпристрастнымъ и того ради достовѣрнымъ свидѣтелямъ безстудные Аѳеисты ежели дерзаютъ не вѣрити, то вопервыхъ самаго ума правиломъ одолжены суть показати самую истинную причину тому своему невѣрію; ибо, якоже прежде сего речено есть, знаніе наше составляется по множайшей части изъ таковыхъ премногихъ и безчисленныхъ людскихъ реляцій. Но какую причину сыщутъ Аѳеисты, кромѣ единой бѣдственной ума своего слѣпоты, которая съ какою легкостію представится, съ такоюжъ сама собою опвергнется? Да Христіянское же ученіе о благонравіи житія человѣческаго много совершеннѣйшія полагаетъ правила, нежели всѣхъ философовъ эѳическіе, то есть нравоучительные догматы; ибо еже глаголетъ о совершенной любви къ Богу и къ ближнему, такожде о совершенномъ цѣломудріи и незлобіи, о усмиреніи всякихъ страстей человѣческихъ и о прочемъ, то ни единому философу и на умъ не взыде. Напослѣдокъ сіе [еже можетъ назватися верьхъ всѣхъ доводовъ ко утвержденію истинны Христіянскаго благочестія] подобаетъ здѣ предложити, а именно дѣйствіе, или плодъ оныя предупомянувшіяся проповѣди Апостольскія. Изъ преждебывшаго же о семъ разсужденія извѣстно стало, яко проповѣдь, или свидѣтельство Апо-

стольское есть неподозрительное, и посему должно быти достовѣрное, понеже проповѣдники оные никакимъ страстямъ, послѣдственно и лжи, не были порабощены; ибо временнаго своего никакою мѣрою не имѣли и не искали, и имѣти не могли интересу, который самымъ тоеяжъ проповѣди основаніемъ отнимался конечно, еже самое событіе и искусъ видимо показали. Но на дѣйствіе, глаголю, или плодъ тоя проповѣди Апостольскія когда посмотримъ, предстоитъ оное намъ вмѣсто нѣкоего превысочайшаго чуда, всякое удивленіе человѣческое превосходящаго. Кто бо были оные проповѣдники? Всякому сіе извѣстно, яко единые невѣжды, худородные [Павла единаго нѣкако выключивши], ницiе, бѣдные, да и по малочисленные. Что проповѣдали? Христа. Кто онъ былъ? Родомъ Іудеянинъ, Тектоновъ сынъ, и родителей убогихъ имѣлъ, и самъ уже во время своего посольства такъ былъ нищъ, яко и мѣста ко упокоенію своему лишался. Сіе довольно было въ странномъ народѣ презрѣніе ему исходатайствовати; но когда посмотрѣть на кончину его, то оная несоравненное презрѣніе умножаетъ, яко поносная и ужасная. Толико смиреннаго толь смиренные проповѣдали! А когда проповѣдали, то въ той кончинѣ его все спасеніе человѣческое заключали, и кромѣ его единаго нигдѣ индѣ быть спасенію не признавали. Еще же сіе надобно разсудити, кому про-

проповѣдали? Вопервыхъ Іудеямъ, тѣмъ, которые его таковою уже смертію нарочно на большее поношеніе умертвити у Римской власти испросили; всякъ бо у нихъ повѣшенный на древѣ проклятымъ человѣкомъ назывался, и самое тое мѣсто, гдѣ онъ висѣлъ, осквернялъ. Въ книгѣ *Второзаконія, гл.* 21. *ст.* 22: *Аще будетъ на комъ грѣхъ, судъ смертный, и да умретъ, и повѣсите его на древѣ.* Ст. 23. *Да не пренощуетъ тѣло его на древѣ, но во гробѣ погребите его въ той же день, яко проклятъ есть отъ Бога всякъ висяй на древѣ, и да не оскверните земли, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ во жребій.* А потомъ проповѣдали Грекамъ и Римлянамъ; не простому же изъ нихъ покмо народу, который за дикостію и жестокостію тогдашнихъ своихъ нравовъ таковой проповѣди вомѣстити никакою мѣрою не могъ, но такожде и властямъ гордымъ и самомнительнымъ философамъ, наконецъ самымъ превысочайшимъ Императорамъ, которые по единой крайней своей глупости якоже ту ихъ проповѣдь, тако и самихъ проповѣдниковъ почитали за послѣднихъ людей. Воистину таковы быти сперва проповѣдники возмнѣлись, какъ-то и было чрезъ долгое время, а именно, чрезъ три ста лѣтъ и вящше; понеже противу ихъ, тако умаленныхъ проповѣдниковъ, будто противу нѣкоего страшнаго и всеобщаго непріятеля весь міръ вооружался съ крайнею злобою, а еже всего тяжчае,

благоговѣніемъ и благочестіемъ сіе покрывалъ, и всѣми способами ко истребленію самихъ сихъ, а къ обруганію проповѣди устремлялся. Но что послѣ сдѣлалось? Сами Аѳеисты, ежели два единыя тѣлесныя не весьма ослѣпленныя очеса имутъ, могутъ сіе видѣти. Кто жъ уже, развѣ самый послѣдній безстудникъ не похощетъ усмотрѣти и признати тутъ выше человѣческой нѣкоей силы [отъ которой и весь міръ увѣрился, то есть побѣжденъ сталъ] дѣйствовавшей? Поистиннѣ сильное въ дѣйствіи есть оное нѣкотораго учителя слово, яко Апостольскія проповѣди сицевый плодъ не что иное есть, только единое самое превысочайшее отъ всѣхъ чудесъ чудо: тако, ежели кто сего чуда за чудо приняти поупрямится, самъ тотъ чудомъ станетъ, то есть когда таковое свое безстудное и равности не имѣющее покажетъ упрямство, яковаго ума человѣческаго добродѣтель допустити весьма къ себѣ не должна.

7. Священнаго Писанія достоинство и достовѣріе утверждается тѣми же предложеніи, которыми истинна пророчествъ Христіянскаго благочестія доказана. Еще же и отсюду, яко Священнаго Писанія писатели разные были и въ разныхъ вѣкахъ жили, а согласіе въ тѣхъ писаніяхъ показали удивительное. Къ тому жъ Священное Писаніе имѣетъ въ тѣхъ наипаче вещахъ изобиліе, которыя нужнѣйшія намъ человѣкамъ суть, а именно, гдѣ о спасеніи чело-

человѣческомъ глаголетъ, гдѣ наибольше благость Божія, яко самое ближнее совершеннѣйшаго его естества свойство, проповѣдуется. Утверждаетъ достовѣрность писанія самоистинное и никакимъ спрастямъ писателей не порабощенное состояніе, которое самую истинну безъ всякаго киченія и витійскаго краснорѣчія самымъ просторѣчіемъ ради единой человѣческой, и то не тѣлесной, ниже временной, но духовной и вѣчной пользы въ тѣхъ своихъ писаніяхъ оставили. Елико же Писаніе Священное о многихъ сокровенныхъ и незнаемыхъ намъ вещахъ поучаетъ насъ тако, что безъ него бы не дошли никогда до фундаментальнаго оныхъ познанія, то оттуда достоинство Писанія показуется. Ниже умаляется оное отсюду, яко въ Писаніи Священномъ нѣкоторыя имѣются мѣста, будто сомнительныя и сами себѣ противныя о меньше важныхъ вещахъ. Здѣ больше должны мы свое признавати скудоуміе и невѣжество, а не потому, что сіе скудость ума нашего превышаетъ и невразумительно намъ показуется по единой неразсудной упрямости, порочити. Въ правильномъ же разсмотреніи подобаетъ намъ разсуждати всякія окрестности, до основательнаго познанія принадлежащія, яко Писанія оная составилися въ самыя предревнѣйшія времена, въ мѣстахъ, отъ насъ предалечайшихъ и различныя послѣди перемѣны имѣвшихъ. Надлежитъ же и то вѣдати, яко тѣмъ языкомъ написаны книги

ветхаго завѣта были, которымъ люди уже давно перестали говорить; и тако сила нарѣчій онаго языка оттуда намъ стала неуразумительна. Наконецъ подобаетъ всегда разсуждати немощь ума нашего, наипаче въ духовныхъ слѣпотствующаго, по свидѣтельству тогожъ Священнаго Писанія; а что и во внѣшнихъ многое имѣемъ недоумѣніе, то и безъ всякаго свидѣтельства вѣдаемъ.

КОНЕЦЪ.